

циальный пантеон были включены и местные божества, а кроме того, под восточным влиянием претерпел существенные изменения характер некоторых греческих божеств. Наиболее заметны такие изменения в образе Артемиды, превратившейся в синкретическое божество Артемиду-Наинаю. Со своей стороны отметим, что подобная эволюция религиозных воззрений полностью отвечает развитию в других областях культуры Сузаны в селевкидское и парфянское время¹.

Особое место в работе Ле Риде занимает пятая глава — «История Суз в эллинистическую эпоху». Автор пишет, что задачей этой главы является использование новых нумизматических данных для написания истории города и Сузаны в селевкидское и парфянское время. Однако исследование вышло далеко за пределы тех скромных границ, которые наметил для него автор. По существу это достаточно полный очерк истории восточных областей селевкидского государства и парфянского царства, написанный на основании всего комплекса имевшихся в распоряжении ученого источников. Хотя значительное место в главе уделено Сузам, все же историей их отнюдь не ограничиваются исследуемые в ней сюжеты. Ле Риде по-своему решает проблему раннепарфянского чекана, изучает историю монетного двора в Экбатанах, дает краткий очерк истории Элимакды, рассматривает хронологические вопросы династической борьбы Аршакидов в I в. до н. э. и др.

Значительный новый материал, вводимый автором в научный оборот, позволяет ему предлагать во многих случаях оригинальные решения. Иногда с ними нельзя согласиться, но всегда они заслуживают самого пристального внимания. К числу тех вопросов, решение которых, с нашей точки зрения, вызывает возражения, относится проблема начала парфянского

монетного чекана, поскольку вопрос этот недавно был предметом нашего специального рассмотрения². Здесь мы не будем подробнее останавливаться на нем. Отметим только, что Ле Риде, привлекая все раннепарфянские монеты, хранящиеся в западных музеях, совершенно упустил из поля зрения значительные коллекции Эрмитажа, ГМИИ и ГИМ, позволяющие дать иную и, как нам представляется, более правильную картину ранних этапов развития парфянского монетного чекана и тем самым парфянской государственности.

В трактовке ранней династийной истории Аршакидов Ле Риде следует концепции И. Вольского. Это очень отрадно, поскольку точка зрения, давно уже развиваемая польским исследователем, несмотря на всю свою убедительность, почти никем из ученых до сих пор не принималась, и в работах по истории Парфии по-прежнему господствовали традиционные взгляды. Лишь сравнительно недавно начался некоторый поворот к признанию выводов Вольского, и согласие с ним Ле Риде, конечно, будет способствовать изживанию старых концепций.

В заключительной главе дается яркая и полная картина исторического развития монетного обращения в Сузах.

Книга снабжена большим количеством прекрасно выполненных таблиц и подробными указателями.

Появление труда Ле Риде очень важно для дальнейших работ в области нумизматики и истории селевкидского и парфянского государств. Это не только образцово подготовленная публикация монетных находок, но и серьезное историческое исследование.

Г. А. Кошеленко

¹ Г. А. Кошеленко, Культура Парфии, М., 1966, стр. 204 сл.

² Г. А. Кошеленко, Некоторые вопросы истории ранней Парфии, ВДИ, 1968, № 1, стр. 53 сл.

D. TUDOR, *Sucidava. Une cité daco-romaine et byzantine en Dacie*, Latomus, LXXX, Bruxelles — Berchem, 1965, 129 стр., указатель и таблицы

Рассматриваемая работа профессора Бухарестского университета Димитра Тудора, известного своими многими исследованиями по истории римской провинции Дакии, посвящена истории Суцидавы, дако-гетского поселения, ставшего затем римской и византийской крепостью. Работа представляет интерес не только для исследователя окраинных областей Империи, но имеет и более широкое зна-

чение, поскольку собранный в ней материал ставит вопрос о преемственности исторических эпох и их связи друг с другом. Как отмечает автор, «благодаря открытиям в Суцидаве могут быть написаны новые главы по проблеме оставления Дакии римлянами и по истории римской эпохи, а также по проблеме римского господства в областях севернее Дуная в III—V вв. и о характере византийского

господства на левом берегу реки в VI в.» (стр. 5). Монография, которую Д. Тудор определяет как синтез 30-летних раскопок на территории Суцидавы (стр. 5), прослеживает историю этого поселения с доисторической эпохи до XIII—XV вв. и, таким образом, как бы суммирует все то, что известно о Суцидаве. Следует заметить, что одни периоды в истории Суцидавы изложены более полно, другие — совсем бегло. Почти полное отсутствие в аппарате список на археологическую документацию, хотя вся работа представляет в сущности переложение археологического материала, вызывает порой вопросы, оставляя чувство неудовлетворенности доказательствами. Эта манера изложения объясняется автором тем, что по сюжетам Суцидавы написано множество этюдов на европейских и румынском языках; эта монография, используя неизданный материал, не требовала специальных примечаний (стр. 6). Однако читатель, знакомящийся с настоящей работой, имеет дело все-таки с самостоятельным целым, вследствие чего, нам кажется, не отпадала необходимость более развернутой аргументации.

Работа состоит из шести небольших глав и довольно обстоятельного введения, в котором указывается на местоположение Суцидавы, обусловившее ее военное и хозяйственное значение для Рима, сообщается также история археологических исследований Суцидавы. Как римское поселение, она возникла из центра дакийского племени *suci*, и само название *Sucidava* означало деревню этого племени. При римлянах Суцидава стала военной крепостью Дакии, портом на Дунае и таможенной станцией; вокруг крепости возникло со временем большое гражданское земледельческое поселение. Интерес к Суцидаве проявился уже в XVII в., но археологические исследования носили дилетантский характер. Первые научные раскопки Суцидавы были начаты в 1901 г., с 1936 г. они ведутся систематически.

Раскопки показали, и этому посвящена I глава книги, что области Суцидавы (совр. румынской деревни Челей, *Celei*, в 3 км от города Корабия) были обитаемы уже в эпоху неолита. От этого периода раскопано несколько землянок. Поскольку землянки погибли от пожара, было обнаружено *in situ* все то, что пощадил огонь. Землянка состояла из одного помещения $4 \times 4,5$ м; ее стены были сделаны из плетеных ивовых прутьев, обмазанных глиной; потолок был также покрыт толстым слоем глины и опирался на балки. Вдоль западной стены землянки находилась кладовая с сосудами для хранения воды и продуктов; другие хранилища были размещены по углам комнаты. Очаг служил и для приготовления пищи, и для отопления. По соседству с очагом была найдена кухонная утварь и ручные мельницы. Это поселение времени неолита свя-

зывается с обитателями культуры Вадастра II (*Vadastra II*). От времени раннего и позднего железа особенно много находок, большую часть которых составляли дакийская керамика, сделанная от руки. Найдены также фрагменты родосских амфор для вина и оливкового масла III—II вв. до н. э., бронзовые украшения, римская керамика I в. н. э., римские монеты II в. до н. э., а также монеты Августа, Тиберия и Клавдия, что свидетельствует, как отмечает Д. Тудор, о торговых связях дакийских племен с греческим и римским миром. Как показали раскопки, в результате римского завоевания дома Суцидавы, сделанные из балок и глины и покрытые соломой, сгорели. Прежняя территория дакийского поселения превратилась в римский некрополь (стр. 23).

II глава излагает историю Суцидавы в римский период, который начался уже во время Первой Дакийской войны (101—102), когда в Суцидаве Траяном (или Домitianом) был построен временный земляной лагерь (300×200 м) Первой когортой Лингонов, пришедшей из Британии. Этот временный лагерь использовался во время Второй Дакийской войны (105—106). При Траяне он был укреплен рвом, который остался существовать до середины III в. и служил дополнительным укреплением для гражданского поселения. Городское поселение Суцидавы, которое представляет для нас главный интерес, возникло за северной и северо-западной стеной лагеря. Оно не получило городского статуса и на всем протяжении римского периода оставалось *vicus*, хотя по своему внешнему облику и общему характеру жизни мало чем отличалось от города. К середине III в. поселение распространилось на площадь около 25 га. Поселение долго не имело стен, полагаясь на защиту гарнизона крепости, и было обнесено стенами только при Филиппе Арабе в 248 г., когда Дакия стала подвергаться нападением карпов и готов. Окруженное стенами поселение приобрело форму почти правильной трапеции со сторонами 640 м, 590 м, 340 м и 300 м; самая длинная стена — южная — шла вдоль Дуная. Стены имели башни квадратные, круглые, подковообразные на расстоянии 90 м одна от другой и четверо ворот. Главные ворота — южные (7,5 м) — шире, чем северные (4,3 м), были напротив Дуная; здесь заканчивалась главная улица города шириной 5,5 м, в конце которой находился северный портал моста через Дунай, построенного Константином у Суцидавы.

Хотя Суцидава была *vicus*, на ее сельской территории находились другие, менее значительные *vici*, подчинявшиеся ее администрации. И Суцидава, и ее села управлялись курiales, *Curiales territorii Sucidavensis* называется после 250 г., и сам термин *curiales* появляется в надписях только со второй поло-

винны III в. Куриалы избирались сроком на пять лет; они собирались в Суцидаве и представляли нечто вроде совета деревень. Причину того, что Суцидава осталась сельским поселением и не получила городского статуса, Д. Тудор объясняет тем, что здесь стоял гарнизон, который нуждался в обеспечении хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами, которые беспрерывно поставляло местное поселение, поскольку область Суцидавы, по мнению Д. Тудора, была *territorium militare*. В случае если бы Суцидава достигла ранга муниципии, на ее землях развилась бы в широких размерах крупная и средняя земельная собственность римских граждан, с которыми военным и административным властям было бы трудно иметь дело (стр. 35). Но известно, что гарнизоны стояли во многих поселениях Дакии, так же как и в других провинциях, что не мешало этим поселениям получать статус муниципиев или колоний. Очевидно, причину того, что Суцидава не получила городского автономии, следует усматривать в том, что ее области были населены преимущественно местным, дако-гетским населением. Процент же пришлого, римского населения оставался незначительным, что отразилось на количестве происходящих отсюда римских надписей.

Более обоснованно Д. Тудор предполагает существование в Суцидаве таможенной станции. Он заключает это из самого местоположения Суцидавы на границе двух провинций — Дакии и Мезии, когда она одновременно была портом на Дунае, а также из находки надписи времени Коммода с упоминанием *servi vilici*. Торговые связи Суцидавы имели с соседними провинциями — Паннонией и Фракией, с западнопонтскими греческими городами, откуда ввозилась керамика. Существовало также собственное производство — керамическое, строительное и кожевенное, удовлетворявшее местные нужды. Д. Тудор сообщает, что Суцидава занимает первое место по числу находок изделий из свинца, которые вывозились отсюда в другие города Дакии и в другие провинции. Здесь существовало производство воительных свинцовых табличек с изображением Дунайского всадника, Диониса и Гекаты, а также зеркал, оправленных в свинец. Последние представляют особый интерес; из общего числа около 200 таинтерес; из обиходных на территории этих зеркал, найденных на территории Империи, около половины известно из Суцидавы (стр. 47—49). Отсюда же происходит уникальная находка 25 зеркал, относимая автором предположительно к храму Диониса и Нимф. Все экземпляры превышали 12 см высоты и принадлежали к числу предметов, связанных с культом Диониса. Как известно, свинцу в древности приписывались магические,

колдовские свойства. Эти зеркала были местного изготовления, в то время как зеркала, сделанные из бронзовых дисков, — привозными.

Остановившись на характеристике религиозной жизни поселения в римский период, Д. Тудор отмечает обилие культов и объясняет это экономическими причинами: наличием по соседству большого порта и проходившей через поселение сухопутной торговой дороги (стр. 55). Местоположение Суцидавы действительно могло способствовать распространению различных верований. Но одна группа свидетельств не связана, на наш взгляд, только с этими обстоятельствами и относится, главным образом, к местному, дако-гетскому населению Суцидавы и округи. Находки свинцовых оправ для зеркал, так же как и табличек с изображением Дунайского всадника (особенно почитавшегося в Дакии, как показал сам Д. Тудор), рельефов Фракийского всадника, признанного земледельческого и пастушеского божества гето-фракийских племен, вотивов Диониса, культ которого был широко распространен в гето-фракийских землях, свидетельствуют, что распространение этих культов не было связано ни с наличием порта, ни с проходившей рядом торговой дорогой, но с дако-гетским населением района Суцидавы. Само понятие *territorium* связывалось с землями, оставшимися в распоряжении местного населения.

Археологическое обследование сельской территории Суцидавы, сообщает Д. Тудор, дало весьма многочисленные и близко друг от друга находящиеся следы римской жизни (стр. 57). Отдельные находки римского времени автор считает непеременимым указанием на существование многочисленных больших и малых сел. Однако не все эти следы достаточны, чтобы по ним можно было безусловно предполагать существование здесь или там села. Находки остатков разбитого кирпича или фрагментов керамики при отсутствии других более существенных данных (фундаментов зданий, римских монет, надписей или военных дипломов) не убеждают, что там, где были найдены подобные фрагменты, обязательно было село. Во всяком случае, представляется преувеличением предполагать наличие сел на основании таких данных, какие приведены, например, на стр. 58 (находки у совр. села Dăbuleni).

Глава IV посвящена истории Суцидавы после оставления Дакии Римом. Найденные в Суцидаве римские монеты от времени Аврелиана (270—275) до времени Феодосия II (408—450) свидетельствуют, что в то время как Левобережная Дакия, по свидетельству древних, была оставлена Аврелианом, эта крепость сохранялась в руках римлян. Д. Тудор отмечает, что Суцидава не могла быть эвакуирована

по причинам военно-стратегического характера: это значило бы лишить римлян свободного плавания по Дунаю. Аврелиан оставил здесь отряд Пятого Македонского легиона, в то время как сам легион был переведен на правый берег реки, в Мезию, в Эск (совр. Гигин в Болгарии).

Д. Тудор полагает, что при Диоклетиане имела место экспансия Империи на север Дуная. Константин мог значительно расширить области римского господства за Дунаем и с успехом предпринять экспедиции против варваров: часто встречающиеся и многочисленные в Суцидаве монеты Константина подтверждают это (стр. 73). Константин построил у Суцидавы мост через Дунай, который соединил ее с правобережными областями Империи и, в частности, с Эском. Остатки этого моста (северный портал длиной 13,32 м и шириной 6,35 м, северные опоры моста и скрытые под водой быки) были открыты в начале XX в. Гр. Точилеску и подводными работами 1933 г. Мост был соединен с крепостью Суцидавы и южными укреплениями гражданского поселения. Мост Константина Д. Тудор характеризует как самый большой из мостов древности; его общая протяженность составляла 2400 м, он пересекал Дунай, судоходные рукава реки и затопляемые берега. Чтобы торжественно открыть мост, Константин прибыл в Эск. При Константине была построена и крепость в юго-восточном углу прежнего гражданского населения; она погибла при нападении гуннов в 447 г. Мост Константина не просуществовал, однако, долго. Император Валент (364—378), выступив против готов, перешел Дунай по понтонному мосту. Д. Тудор полагает, что мост был разрушен не варварами, а наводнением или ледоходом.

От времени после оставления Дакки (271 г.) и до нашествия гуннов (447 г.) из Суцидавы не происходит ни одной латинской или греческой надписи. Гарнизон крепости, отмечает Д. Тудор, составляли в это время войска *limitanei* или *giparienses*, набравшиеся из варварского мира. Археологические находки свидетельствуют о бедности солдат этого времени. Золото и серебро отсутствуют; изделия из бронзы редки. В то же время были найдены бронзовые гуннские котлы, попавшие к солдатам в результате походов или купленные у гуннских купцов; керамика местного производства серого и черного цвета без орнамента.

В 447 г. Суцидава пала под ударами гуннов, когда они вторглись в дунайские земли. После этого крепость оставалась необитаемой, пока не была восстановлена Юстинианом (527—565), как сообщает Прокопий, называющий ее Сукибдой. Д. Тудор полагает, однако, что восстановление римских левобережных крепостей началось уже при Юстине (517—527).

В византийский период жизнь в Суцидаве ограничивалась только пределами крепости. Раскопками 1958 г. был открыт в самой крепости потайной источник, единственный, как подчеркивает Д. Тудор, известный до сих пор. Он снабжал водой крепость, если она оказывалась осажденной. В это время в крепости была построена христианская базилика, самая ранняя для областей севернее Дуная. Ее общая длина составляла 20,9 м, ширина — 10,2 м. Базилика состояла из прямоугольного нефа (17,1 × 10,2 м) с кафедрой посередине, с которой проносились проповеди, и полукруглой абсиды около 3,8 м, ориентированной на восток. Вход в базилику находился на западе; на южной стороне были построены две небольшие комнаты — *diapocisum* — 2 × 3,55 м для хранения церковной утвари и одежды. Были найдены светильники в виде креста, сосуды и амфоры с изображением креста, с христограммами и монограммами, связываемые с новым византийским гарнизоном крепости: $\text{M}\Theta$ ($\mu\epsilon\tau\alpha\ \theta\epsilon\omicron\varsigma$); $\Theta\Upsilon$ ($\theta\epsilon\omicron\varsigma\ \upsilon\iota\omicron\varsigma$); $\Theta\chi$ ($\theta\epsilon\omicron\varsigma\ \chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$); $\text{X}\text{M}\Gamma$ ($\chi\rho\iota\varsigma\tau\acute{o}\varsigma\ \text{M}\alpha\rho\iota\alpha\ \gamma\epsilon\nu\nu\acute{\alpha}$). Одна из амфор для культовых целей имела греческую надпись следующего содержания: «Сын божий. Мария родила Христа. [амфора] пресвитера Луконоха сына Лукатия. [содержит] 30 секстариев». Последняя византийская монета из Суцидавы принадлежит времени императора Маврикия (582—602), при котором Византия оставила Суцидаву перед натиском аваров и славян. Крепость захватили авары в 597 г., после того как византийский гарнизон ее покинул, предварительно предав огню (стр. 107).

Средневековый период Суцидавы описан бегло и схематично. Д. Тудор упоминает о происходящей из области Суцидавы протоболгарской керамике и византийских монетах времени Михаила IV (1034—1041). Области древней Суцидавы были обитаемы в XIII—XV вв. Найденные в римско-византийской крепости и на севере от нее остатки очагов и фундаментов Д. Тудор считает принадлежащими румынским хижинам (стр. 127). Подобные археологические свидетельства при отсутствии более надежных данных — керамики и изделий из металла, — на наш взгляд, маловыразительны, чтобы по ним можно было судить об этническом характере населения района древней Суцидавы в это время. В XIV или XV в. деревня Челей погибла при вторжении турок, но затем возникла вновь по соседству с прежним поселением (стр. 127).

Таково кратко содержание работы Д. Тудора. В ней нет заключения исторического характера, которое, очевидно, автор предоставляет сделать самому читателю. Собранный в книге материал свидетельствует, что этот район Левобережной Дакки, после того как про-

винция была оставлена Римом, продолжал некоторое время удерживаться римлянами. Вполне вероятно, что сельское население Суцидавы и ее округа осталось здесь после оставления провинции и не последовало на правый берег Дуная, тем более, что римляне удерживали крепость до времени Феодосия II. Большинство этого населения несомненно должны были составлять местные элементы. Но едва ли это население долго могло удержаться на этом островке римской власти, не подвергшись влиянию со стороны занявших Дакию варварских племен и в той или иной степени не смешавшись с ними; известно, что Зосим называет карподаков союзниками гуннов (Zosim., IV, 34,6). Непосредственная же преемственность в существовании обитателей самого поселения, как нам представляется, была нарушена. После оставления Дакии оказались утраченными римские традиции и нормы жизни: римские надписи после времени Аврелиана отсутствуют в Суцидаве. Нет археологи-

ческих находок после разрушения крепости гуннами в 447 г. и аварами в конце VI в. Греческие христианские надписи VI в. принадлежат византийскому гарнизону и новому населению крепости. Археологические свидетельства из этого района возобновляются в IX и X вв. и представлены двумя глиняными кувшинами протоболгарского типа (стр. 125). Но за это время (с конца VI по IX в.) здесь возникло славянское поселение, о чем свидетельствует хотя бы славянское происхождение названия современной румынской деревни Челей, удержавшееся до сих пор. Славянское происхождение названия деревни, отмечаемое Д. Тудором, давало возможность поставить вопрос о том, каким именно народом было занято это поселение, после того как было разрушено в конце VI в. н. э. Оно указывает на то, что в истории Суцидавы был и славянский период, начавшийся, очевидно, уже в конце VI — начале VII в.

Ю. К. Колосовская

Гу. MORAVCSIK. *Studia Byzantina*, Budapestini, 1967, 438 стр.

Перед нами сборник статей, написанных видным венгерским филологом и историком Д. Моравчиком на протяжении сорока лет — от 1926 до 1965 г. Они были предварительно опубликованы в разных журналах на русском, немецком, французском, английском, итальянском и новогреческом языках. Статьи эти посвящены преимущественно византиноведческой тематике, но некоторые из них существенны и для античников.

В статье «Византинология и эллинология» (стр. 15—22) Моравчик кратко характеризует развитие науки об античной и средневековой Греции и приходит к выводу, что ныне исчезают традиционные барьеры между филологами-классиками, византинистами и специалистами по новогреческой филологии, исчезает традиционное предубеждение предшественников этих дисциплин друг против друга и их взаимный антагонизм.

Две работы касаются истории Поздней Римской империи в ее связях с варварскими племенами. В одной из них Моравчик рассматривает исторические свидетельства и легенды о смерти Аттилы (стр. 59—83). Древнейшее и надежнейшее свидетельство восходит к историку V в. Приску, фрагмент из которого сохранил Иордан: в этом фрагменте рассказывается, что Аттила скончался в

свою брачную ночь¹. С фрагментом Иордана полностью совпадает сообщение византийского хрониста IX в. Феофана Сигрианского, тогда как в повествовании Малалы (VI столетие) уже появляются новые мотивы (например, рассказ о некоем сафари, которого римский полководец Азий послал, чтобы убить Аттилу). Эти мотивы восходили, по всей видимости, к слухам, ходившим в Византии по поводу смерти грозного гуннского вождя. Развитие легенды о кончине Аттилы Моравчик усматривает в славянском переводе Малалы: здесь повествуется о римлянке, которая принесла себя в жертву и, чтобы спасти родной город, согласилась стать женой Аттилы, — но едва только она села у его ног, как гунн внезапно умер. Эту историю, переносящую смерть Аттилы в Рим, славянский переводчик, по мнению Моравчика, мог найти в какой-нибудь из «народных хроник», созданной в IX в. или позднее, но не дошедшей до нас.

Западные хронисты, начиная с Павла Диакона (VIII в.), передают версию Приска — Иордана, тогда как в сагах появ-

¹ «Гетика», §§ 254—255. См. русский перевод Е. Ч. Скрижинской: Иордан, О происхождении и деяниях гетов, М., 1960, стр. 116 сл.

ляются новые и разнообразные варианты предания. В этих сказаниях на первый план выдвигается — в отличие от византийской и византиино-славянской версий — мотив отмщения, мотив сознательного убийства Аттилы его врагами. Идея эта, помимо саг и «Песни о Нибелунгах», проходит также у Roëta Saxo (IX в.) и некоторых других авторов.

К статье о смерти Аттилы хронологически примыкает другая работа, освещающая темные страницы истории племени оногуров от середины V до середины IX столетия (стр. 84—118).

Наследию известного византийского эллиниста XII в. Иоанна Цеца посвящена статья о варварских языковых следах (Sprachreste) в «Феогонии» (стр. 283—292). Предметом анализа Моравчика является эпилог к «Феогонии», где Цец, бахвалясь своим знанием чужих языков, приводит в греческой транскрипции несколько фраз по-скифски, по-персидски, по-латыни, по-алански, по-арабски, по-русски и по-еврейски. Известные трудности вызывает иденти-

фикация двух первых (архаизированных) этниконов — скифы и персы. Моравчик приходит к выводу, что скифы Цеца были, скорее всего, половцами, а под персами он разумел турок. Подобное смешение этниконов было, как известно, типичным для византийских авторов. Эпилог «Феогонии», сохранивший две короткие русские фразы в транскрипции XII в., должен был бы привлечь внимание и лингвистов-русистов.

Наконец, в сборнике помещен ряд статей, освещающих переживание античных сюжетов в византийской и новой европейской литературе. Это — «Византийский Харон» (стр. 386—407) (об образе Харона в византийской народной поэзии), «Судьба Сафо в Византии» (стр. 408—413) и «Источники эпизода с Еленой в „Фаусте“ Гете» (стр. 428—438). По всей видимости, полагает Моравчик, источником для Гете послужила так называемая Хроника Дорофея Монемавсийского.

А. К.